

УДК 82.09

ББК 83.3Р

С-38

Синбаригова Элина Алаудиновна, аспирантка ФГБОУ ВПО Чеченский государственный педагогический институт, т.: 89529730322

О ПРЕЛОМЛЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В РОМАНЕ К. ИБРАГИМОВА «ПРОШЕДШИЕ ВОЙНЫ»

(рецензирована)

В статье проводится анализ произведения, иллюстрирующий влияние чеченского фольклора и литературы на формирование творческого метода Канты Ибрагимова. Строй мышления и эстетическое содержание исследуемого произведения обращены к истокам, духовным тайнам личности и народа.

Ключевые слова: творческий метод, тептар, повествование, литературный процесс, персонаж, ценность, художественный конфликт, новаторство, анализ, личность.

Sinbarigova Elina Alaudinovna, post graduate student of FSBEI HPE Chechen state teacher training college, tel.: 89529730322

ON THE REFRACTION OF FOLKLORE AND LITERARY TRADITIONS IN K. IBRAGIMOV'S NOVEL "LAST WARS"

(reviewed)

The article analyses the work illustrating the influence of the Chechen folklore and literature on the formation of a creative method of K. Ibragimov. The system of thinking and the ethic and esthetic content of the studied work are turned to sources, spiritual secrets of the personality and people.

Keywords: creative method, narration, literary process, character, value, art conflict, innovation, analysis, personality.

Канта Ибрагимов пришел в литературу сравнительно недавно – первый его роман «Прошедшие войны», выбранный нами в качестве объекта исследования, был опубликован в 1999 г. Впоследствии он написал ещё шесть романов: «Седой Кавказ», 2001; «Учитель истории», 2003; «Детский мир», 2005; «Сказка Востока», 2007; «Дом проблем», 2009; «Аврора», 2012; «Академик Петр Захаров», 2013.

Мы не ставим цель охарактеризовать все особенности писательской манеры К. Ибрагимова, которая еще не становилась предметом научного исследования и требует тщательного изучения. Перед нами задача гораздо более скромная: обозначить те ориентиры, которые, по нашему представлению, легли в основу еще только формирующегося творческого метода этого талантливого чеченского прозаика, т.к. с момента появления Ибрагимова-писателя прошло относительно немного времени – всего полтора десятилетия. Скромное количество научных работ, тем более монографических исследований творчества Канты Ибрагимова подтверждает актуальность избранной нами для изучения проблемы преломления фольклорных (чеченских) и литературных (чеченских и русских) традиций в его первом романе «Прошедшие войны» [1].

Если рассматривать роман «Прошедшие войны» в ракурсе его ориентированности на традиции чеченского фольклора, становится очевидным сильное влияние на его автора тептаров – «исторических текстов, в которых излагалась история и генеалогия определенной семьи-рода (тайпа) в течение длительного периода времени, а также наиболее важные события в жизни тайпа и всего народа» [2].

Действительно, рассматриваемый роман представляет собой развернутую историю рода Арачаевых, т.е. это произведение – современный вариант первых фамильных хроник чеченцев. Однако «Прошедшие войны» – это тептар особого рода, ибо он прослеживает историю тайпа в контексте судьбы всего чеченского народа и всей России, выводя таким образом повествование на общечеловеческий уровень.

Еще одним существенным отличием этого своеобразного современного «тептара» является реалистичность создаваемых образов, что было зачастую невозможно в фольклорных источниках, где персонажи всегда обладают либо подчеркнуто отрицательными признаками злодея, либо гиперболизированными чертами идеального героя.

Действительно, Цанка Арачаев в изображении автора предстает перед нами как человек, который не всегда безупречен даже в собственных глазах. Однако К. Ибрагимов постоянно сочувствует главному герою романа, понимает мотивы его поступков. Для подтверждения нашего тезиса обратимся непосредственно к тексту романа: вот Цанка не протянул руку помощи своему земляку Мадару Бочкаеву, и последний замерз на лютом колымском морозе; вот Цанка ищет способы найти «теплое» местечко и благодаря собственной изворотливости оказывается в более выгодном положении, по сравнению с другими заключенными...

На первый взгляд, все это противоречит самим принципам нравственности: милосердию, честности, мужеству, чувству справедливости и т.д., и таких эпизодов немало, однако при внимательном прочтении их становится ясно: Цанка имел полное право на тот или иной поступок. К примеру, Мадар Бочкаев когда-то сам с упоением служил тем, кто уничтожал его народ, и, вероятно, его настигла заслуженная кара за содеянное, хоть Арачаева и мучили угрызения совести после смерти земляка. А что касается умения и даже стремления главного героя выживать при любых обстоятельствах, даже если для этого нужно было поступиться собственными принципами, то это продиктовано и оправдано не только и не столько жадной жизни, сколько чувством ответственности за свой народ, за свою семью, которую ему просто необходимо было разыскать и спасти. Надо отметить, что именно этим руководствуется Цанка, когда добровольно отправляется воевать, желая (правда, тщетно) спасти от отправки на фронт младшего брата. Автор убедительно доказывает, что его герой ценит свою жизнь только в том смысле, что, только сохранив ее, он сумеет помочь своим близким, сможет выполнить свой долг перед соплеменниками-односельчанами, ведь именно ему поручено быть хранителем родового кладбища, а значит Цанка непременно должен был вернуться в родное село.

Мы видим, что при некоторой схожести жанра тептара с исследуемым романом, мы обнаруживаем и существенные различия. Причем нами названы лишь некоторые из них, т.к. этот сложный вопрос не может быть решен в рамках одной статьи.

Опора на традиции чеченской литературы, на наш взгляд в общих чертах может быть сформулирована следующим образом: так же, как и романы С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба», тетралогия Х. Ошаева «Пламенные годы», М. Мамакаева «Зелимхан», Ш. Окуева «Четыре правителя», А. Айдамирова «Долгие ночи» и другие, роман К. Ибрагимова «Последние войны» воссоздает определенные стороны жизни народа. Большое место в романе занимают быт, традиции, обычаи, психология чеченцев, взаимоотношения в чеченском селе в течение почти целого столетия, что подтверждает мысль о причастности К. Ибрагимова к общечеченскому литературному процессу [3]. И в то же время, в романе «Прошедшие войны» мы обнаруживаем нетипичные для писателя-чеченца подходы к изображению своих земляков: он не стремится идеализировать всех соплеменников, не стесняется высказать свое отношение к тем из них, кто позорит свой народ. Причем, в отличие от писателей советского периода, отрицательными персонажами становятся не богачи (как того требовал пресловутый метод соцреализма), а представители различных слоев общества. Так, К. Ибрагимов с нескрываемым презрением пишет о так называемых «незаконнорожденных» (так звучит чеченское слово «къутла», буквально переведенное на русский язык) – тех «внетейповых» людях, чьими руками устанавливалась советская власть в Чечне и впоследствии осуществлялся мощный прессинг целого народа со стороны новоиспеченной советской элиты.

Эпитет «незаконнорожденные» обретает большую выразительность, когда учитывается его истинный смысл: представители многих народов так называют не обязательно и не всегда тех, кто просто рожден вне брака, а тех, кто живет вне законов Человечности. Эквиваленты этого слова есть и в других языках.

Чтобы подчеркнуть внесловность этого понятия, К. Ибрагимов, пусть не прямолинейно, относит к этой категории и бывших бедняков, которые, по мнению автора, были таковыми в силу лишь собственного нежелания трудиться, и представителей так называемых «знатных» тайпов, т.е. художественный конфликт строится на основе нравственных, а не социальных критериев.

Таковы Харон Паштаев, Магомедалиев Али Якубович, Мадар Бочкаев – все эти местные «князьки», возомнившие себя всемогущими, независимо от ранга. Весьма характерно, что именно самый высокопоставленный из этих персонажей – Магомедалиев (желая избежать депортации) отрекается от своего народа, называя себя «нечеченцем». На наш взгляд, автор выбрал лучший способ выразить свое отношение к герою и подобным ему персонажам: Али Якубович сам себе

выносит моральный приговор, ибо самыми оскорбительными для любого чеченца являются слова «ты не чеченец». Всех их, предавших своих земляков, постигла незавидная участь – кто замерз на Колыме (Мадар Бочкаев), кто был застрелен, по слухам, собственным сыном (Али Якубович) и т.д.

Еще одна отличительная черта романа К. Ибрагимова – стремление автора, преодолевая неписаное общекавказское табу, взять на себя смелость изображать подчас интимные подробности взаимоотношений мужчины и женщины. На наш взгляд, таким образом К. Ибрагимов, несмотря на обрушившуюся на него волну критики за обращение к почти запретной (относительно степени откровенности) теме, пытается внести в чеченскую литературу новые краски.

Проиллюстрируем наш тезис анализом тех страниц романа «Прошедшие войны», которые посвящены трагической любви Цанки и Кесирт. Любовные коллизии, безусловно, присутствуют в художественном полотне и других чеченских авторов – А. Айдамирова, С. Бадиева, А. Дадашева, М. Сулаева, Я. Цуева и др. И все они используют традиционные для кавказского менталитета способы отображения этой деликатной темы (целомудренные отношения персонажей, подчеркнутая сдержанность в выражении влюбленными своих чувств и т.д.) [4].

У Канты Ибрагимова мы обнаруживаем иной подход, существенно отличающийся от традиционного общекавказского, в частности, чеченского способа отображения этой деликатной темы. Автор не только описывает душевные переживания Цанки и Кесирт (что само по себе не содержит элемента новизны), но берет на себя смелость вызывающе откровенно и, на наш взгляд, неоправданно натуралистично описывать отношения между женщиной и женщиной. Новаторским является и образ Кесирт – женщины неординарной, привлекательной, гордой, но глубоко несчастной, страдающей от череды драматических и трагических событий в ее судьбе. Новизна этого образа заключается в том, что персонажем поэмы становится чеченка, посмевавшая открыто выражать свой протест против мужского произвола (сцена во время праздника, где героиня публично, вопреки чеченским традициям, обратилась с гневной речью к своему обидчику, Шарпудину) [1]. Все это было вызовом всему тогдашнему чеченскому обществу, неслыханной дерзостью со стороны героини романа. Согласно чеченским этическим нормам, подобные женщины достойны презрения, а в литературном произведении они могли быть только объектом критики. Однако автор откровенно восхищается смелостью своей героини, сочувствует ее страданиям. Это можно подтвердить тем, что сельчане обвинили Шарпудина в оскорблении чести и достоинства девушки.

Особую ценность этому образу придает и умение автора передать все оттенки чувств любящей женщины, все движения ее души, что ставит его в один ряд с другими писателями и поэтами – большими знатоками природы женщины – Л. Толстого, А. Куприна, И. Тургенева [5].

В нашей статье мы представили лишь некоторые из многочисленных фактов, иллюстрирующих влияние чеченского фольклора и литературы на формирование творческого метода К. Ибрагимова. Но, наверное, тем и отличается настоящий писатель от посредственного, что первый, взяв лучшее у собратьев по перу прошлого и своих коллег-современников, обретает собственный «почерк», вырабатывает неповторимый творческий метод, в котором, однако, так или иначе просматривается ориентированность на устное народное творчество и находят применение литературные традиции писателей-профессионалов.

Этот стиль, эта поэтика К. Ибрагимова – из глубин фольклорно-эпического осмысления космоса, этики и эстетики народа. В то же время – это явление яркой индивидуальности, у которой могут быть (и есть) подражания, но нет повторения. Ибо она (поэтика) сплавлена из творческого освоения традиций и неповторимости пережитого, пережитого и переосмысленного писателем как личностью. Строй мышления, этика и эстетика К. Ибрагимова обращены к истокам, к заповедным тайникам своей души и жизни народа.

Литература:

1. Ибрагимов К.Х. Прошедшие войны. М.: Евразия+, 2004. 720 с.
2. Индербаев Г.В. Отражение времени: сб. статей. Грозный: Кн. изд-во, 2007. 544 с.
3. Кусаев А.Д. Писатели Чечни. Т. 3. Грозный, 2010.
4. Туркаев Х. В. Судьбы литературы. Страницы истории. Научные работы, статьи. Т. 1. Грозный, 2013.

References:

1. Ibragimov K.Kh. Last wars. M.: Eurasia +, 2004. 720 p.
2. Inderbayev G. V. Reflection of time: collection of articles. Grozny, 2007. 544 p.

3. *Kusayev A. D. Writers of Chechnya. V. 3. Grozny, 2010.*
4. *Turkayev H. V. Destinies of literature. Pages of history. Scientific works, articles. V. 1. Grozny, 2013.*